

КАКОЙ каскад чувств - от восторга до изумления - охватил меня, когда морозным солнечным утром стоял я на мостике океанского судна, медленно ползущего среди ослепительно-белого ледяного поля по узкому фарватеру, наполненному ледяным крошевом, оставленным идущим впереди ледоколом.

Под моими ногами подрагивала палуба, и я ощущал работу и мощь девяти тысяч лошадей, сиречь лошадиных сил, дающих жизнь могучему сухогрузу длиной в сто пятьдесят метров.

Как я, сугубо сухопутный человек, мог оказаться на штурманском мостике и, сияя от восторга, как двенадцатилетний пацан пить глазами это, поистине божественное великолепие!

В том, что именно в данный момент времени я стоял на мостике теплохода "Красное Село", ничего удивительного не было. Просто по внутрикорабельной трансляции прозвучал голос второго штурмана, известившего экипаж о том, что справа по борту отдыхает стадо тюленей и желающих, свободных от вахты, приглашают полюбоваться ими. А я был свободным от вахты.

Удивительно было другое: как я, взрослый человек, отец восьмилетнего сына, младший научный сотрудник одного из питерских НИИ, вдруг стал моряком заграничником. Хотя еще не моряком, поскольку, согласно судовой роли, я числился всего лишь учеником моториста... Поначалу в это не верил никто. Но охота к перемене мест мною овладела настолько, что я уже не мог совладать с нею. Знакомые посмеивались, родные отговаривали. Да и в отделе кадров пароходства на меня смотрели как на чудака: научный сотрудник - и вдруг в мотористы!.. Объяснял: не вдруг, а давняя мечта. Сказали: "Оставьте документы, посмотрим".

Знакомые при встрече спрашивали:

— Ну, как, еще не в Гваделупе?

Отвечал:

— По уши в Гонолулу...

И ВОТ первый рейс. И я стою на мостике сухогруза, а он, с до отказа набитыми трюмами и намертво принаитованными к палубе автомобилями, - двенадцать тысяч тонн груза, - скрежеща бортами о ледяной панцирь, медленно движется на запад.

Справа - в сторону Зеленогорска, неподалеку от фарватера действительно "загорает" под январским солнцем небольшое стадо тюленей. Но меня больше привлекает южный берег, тот, что слева, берег моего детства и юности - etelainen ranta...

Я прошу у штурмана тридцатикратный цейсовский бинокль, настраиваю по глазам и... вот они, родные мои Борки - Kangas kuula... Я вижу крышу дома Лебедевых, крышу дома дяди Никиты Бецкого... А затем - чуть справа ряд лоцманских домиков, поблекших и покрытых патинной времени.

Волна любви и нежности охватывает меня, пронизывает всю мою плоть и душу, и я не понимаю - откуда это - изнутри, из маленького комочка моего сердца или извне - оттуда, от южного берега, приближенного тридцатикратным Цейсом, но слезы наворачиваются на мои глаза, и я боюсь оторвать от них бинокль, потому что штурман может увидеть эти слезы и, Бог весть, что он может подумать...

И все же это - не впечатления моряка, скорее - туриста. Моряком я так и не стану - иная мне уготована судьба, о которой пока мне ничего не ведомо.

А между тем наш корабль все легче и легче ломает лед и где-то за Таллинном выходит на чистую воду. Здесь кончилась зима. Началась настоящая Балтика. Море. Низкие грузные облака. Пересыщенный туман. Крикливые чайки за кормой. В океане их уже не будет. В океане - да и то во время штормов - мы будем встречать буревестника. А пока - туман. Двое суток сплошного тумана.

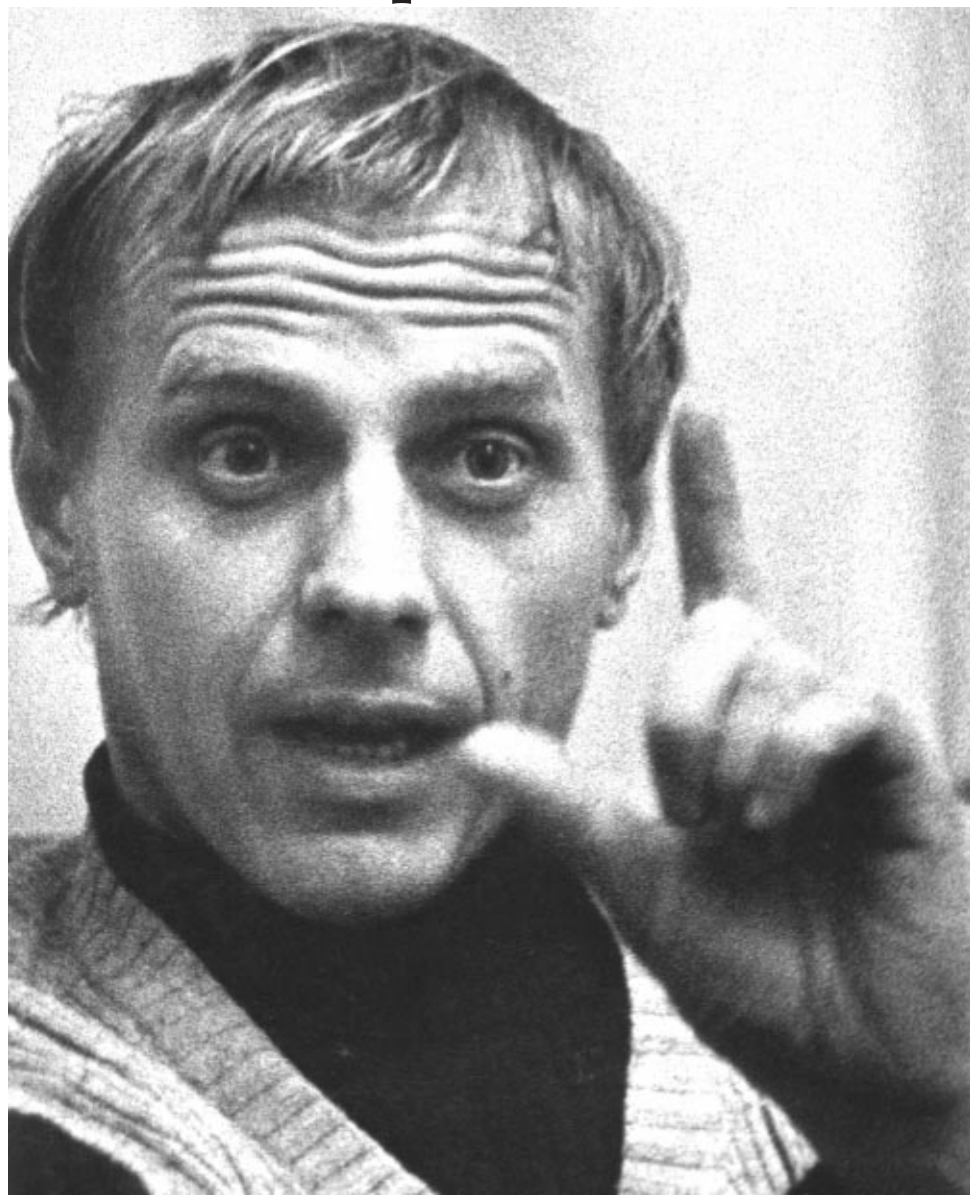
Пролив Большой Бельт. Большая морская дорога. Вожденный путь из варяг в греки, причина войн средневековой Европы.

Где-то на шестые сутки поздно вечером проходим Ла-Манш. Теплый ветер доносит дыханье Океана. Впереди темная, как неизвестность, ночь, исполосованная зигзагами молний. И поэтому так щемит

"Поверьте мне на слово, что самые интересные люди - это романтики," - написал в предисловии к книге Виктора Того, отрывки из которой мы публикуем сегодня, президент Ассоциации лоцманов России Владимир Егоркин. Верно ли утверждение насчет романтиков - не знаю, но с уверенностью могу сказать, что Виктор Того - человек неординарный, с яркой необычной судьбой. Выпускник ЛЭТИ, кажется, своей инженерной специальности он никогда не был "верен". Главная страсть Виктора - литература, поэзия, и мы - его коллеги по работе в газете "Электрик", - не раз имели случай в этом убедиться. Была журналистская работа в разных изданиях, были путешествия по морю и по суше, поездки на Север, где он задержался надолго. Но главный итог всех его поисков, метаний, приключений - поэтические сборники, хорошая проза. Читайте ее: она о корнях, - о нашем прошлом и о будущем.

Виктор ТОГО:

Над временем

душу, когда справа и слева замелькали электрические гирлянды городов Франции и Англии. Ведь это совсем близко - рукой подать. Но видит око, да зуб неймет.

Ночная вахта. По-морскому, собачья. Вахта второго помощника. Уже два часа драю решетку. Драю так, словно в этом заключается весь смысл моей жизни. Драю и боюсь подумать о чем-либо другом, потому что любое отвлечение чревато невероятными муками "морской болезни". И все-таки она сильнее меня. Механик смеется: "Это со всеми бывает". Мой напарник Леня Ларионов помогает добраться до каюты. Укладывает в койку. Поднимает боковую переборку, чтобы я не вывалился. Сует в рот два "колесика" глюкозы.

А внутренний голос ехидно шепчет: "Ну, что Искатель Приключений, попытка сделать "морским волком" успеха не имела?". А ведь это даже не шторм, - так - волнение в несколько баллов.

К УТРУ пришел в себя. Поднялся на палубу. Синева неба остро резанула по глазам. Океан. Вот ты какой!.. Где взять слова такой емкости, чтобы описать тебя?.. Живая материя воды, стянутой волнистой поверхностью пленкой, дышит, как дышит грудь человека. Штиль. Но это штиль не на море, где гладь воды зеркальна, а в океане она хоть и зеркальна,

захватывает дух, и все твои внутренности поднимается к горлу.

П РОШЛО шесть суток, как мы миновали Азорские острова, мрачные утесы в туманном ореоле штормящего океана. Земля! Маленький островок земли среди штормящей стихии. Но ведь и там живу люди! Какие они? Чем занимаются? О чем мечтают? Ребята из экипажа говорят, что в ясную погоду, когда судно проходит близко, видно: крестьяне собирают урожай, пашут. В горах, лежит снег. А я мысленно посылаю привет тем людям, островитянам, поселившимся за тысячи миль от материка.

И вспоминается родной дом. В море он часто вспоминается. И снятся сны. Мне почему-то снится зимняя деревня: избы с дымящейся трубой, женщины в ватниках, запряженные в сани лошади, я даже чувствую зимние деревенские запахи. Странно для горожанина, но всякий раз, засыпая, я видел эти образы и с грустью расставался с ними, просыпаясь. Может быть, так защищает нас память от ностальгии, тоски по родине?

Все имеет свое начало, но и все имеет свой конец. Подошло к концу и наше путешествие через океан. Полмесяца мы не видели людей, не являющихся членами нашего экипажа. И вот ранним утром 12 февраля меня подняли: ты спишь, а мы подходим к Гаване. Накинув студенческую стройотрядовскую куртку поверх футболки, я поднялся на мостик. На фоне фиолетово-пурпурной зари вдали виднелись очертания небоскребов. К нам, пересекая рябь бухточки, отделяющей наш корабль от гаванского берега, торопливо шел мелкий катерик. С борта сбросили штормтрап, и вскоре, перемахнув ногой, как циркулем, к нам поднялся первый живой человек, первый - за все дни после выхода из Питера. Это был лоцман.

— Good morning! - пророкотал он густым басом. И мы вразнобой ответили.

— Good morning!

Никогда не думал, что встреча с лоцманом так заставит колотиться мое сердце. Он же не ко мне одному прибыл. На "Красном Селе", кроме меня, заштатного "ученика моториста", еще два десятка гавриков. А вот поди ж ты, разволновался как девушка на первом свидании.

Тридцать лет прошло с той поры, тридцать лет, а как будто все происходило вчера. Но, конечно же, это не так, тридцатилетняя толща времени неподвластна никакому Цейсу, что-то навсегда вычеркнуто из памяти, что-то покрылось дымкой забвения.

Но я бесконечно благодарен Судьбе и Всевышнему за то, что это было, было. Здесь мой причал, и здесь мои друзья, все было, есть и вычеркнуть нельзя.

Я ТОЖЕ вырос у моря. И моя мечтательность и переменчивость настроения, моя любовь к поэзии и странствиям, моя страсть к открытиям (для себя) новых стран и новых людей - все отсюда, от родных моих Борков и Лебяжьего - в узком смысле, и в более широком - от рун "Калевалы" и маминых песен, от того, что некогда называли Ингрией, а позже Ингерманландией.

В каждый данный момент времени человек живет именно в этот момент, хотя - и это трудно опровергнуть - при этом непременно сказываются и две другие ипостаси - прошлое, прошедшее, или лучше применить латинский термин - перфект, означающий, что действие закончено в прошлом, а результат его действия в настоящем, и, наконец, будущее.

...Много лет я занимаюсь краеведением. Но в последние годы я вижу, что меньше и меньше людей интересуется историей родной земли. А между тем еще Николай Михайлович Карамзин писал, что "...история есть священная книга народов: главная, необходимая...изъяснение настоящего и пример будущего".

В девяносто втором году Ломоносовская районная газета "Балтийский луч" заказала мне исторический очерк о Лоцманском Селении. К тому времени я уже много лет рылся в различных архивах, и у меня поднабрался кой-какой материал... Очерк для "Балтийского луча" я написал. А через несколько лет меня разыскал Владимир Иванович Егоркин, президент Ассоциации лоцманов России, предживший написать книгу о Лоцманском селении. Так родилась идея этой повести...